

Новенький

Всю ночь шел дождь - прорвались небеса. В саду размыло дорожки, недавно засыпанные гравием, снесло клумбы с настурциями. Утром солнце виновато выглянуло из-за облаков с запозданием и вдруг, как бы спохватившись, зажгло сад миллиардами водных жемчужин. Тюльпаны, розы, гвоздики ослепительно сияли под птичий благовест.

К полудню привезли новенького. На тележке ему трудно было ехать по мокрой траве и лужам на дорожке. И его прямо из "газика" подхватили сторож и дворник дома инвалидов и понесли в "приемку". По пятницам оформляли новеньких.

А парень, кудрявый, розовощекий, с блаженной улыбкой и дикой тоской в глазах, вопил на весь парк:

- Несли меня, хорошего,
Под белы ручки нежные
К твоему крыльцу заветному
На целый вечерок...

- Потихе, парень, - не удержался сторож, плюгавенький, но мускулистый, с лицом выдавшего виды мужика. - Распевка будет позже.

- А пусть орет, - хмыкнул добродушный дворник. - Он, видно, не пообвыкся еще, свежий.

Новенький перестал петь, но заорал еще зазорнее:

- Хе, уже на руках носят - царская жизнь ждет!

Он лихо сплюнул в кусты, сторож только тихо вздохнул. Дворник припомнил:

- А прошлый раз матерщинник попался.

Тележку поставили на крыльцо. Вышла баба Маня, толстая, с тыквообразным лицом. Новенький куражливо поклонился ей:

- Это вы за ангела в этом раю? А баба Маня сразу бросилась обтирать поручни его испачкавшейся коляски:

- Документы твои еще на той неделе доставили. Но не без хлопот.

- Поспешили! - весело расхохотался новенький.

- Обвыкнешь, обвыкнешь, - сказала баба Маня, поправила у него завернувшийся воротник, пригладила волосы и вдруг всплеснула руками:

- Слава богу, хоть один будет свой красавец, а то все криворозе и доходяхи поступают.

- И сама ты хоть куда.

- Ох, ты, - качнула баба Маня головой, - лучше б поревел.

Новенького поселили вместе с другим безногим - Гришей, в угловую комнату. Здесь стояли две кровати с низкими ножками, так что казалось - постель лежит на полу. Окно было большое и низкое, а сама комната узкая, хоть и длинная.

- Да как же мы будем здесь разъезжаться?

- Я тебе уступлю дорогу, - дружелюбно ответил новенькому Гриша. Был он рябой, курносый, а волосы носил ежиком. Мягкая улыбка озаряла его крупные, ровные, красивые зубы. - Тебя как зовут-то?

- Кажись, Алешей все звали, - вытащил из нагрудного кармана пачку "Прибоя" новенький, бросил ее на кровать. - Да только теперь забудут, как меня зовут. Все, испарился.

- Авария? - спросил Гриша и сам себе кивнул головой. - Трудненько привыкать. Я убогий с рождения. Так оно легче. Меня забыли сразу. И то хорошо.

Тихонько и даже как-то весело он стал рассказывать о порядках дома инвалидов, постоянно добавляя слова "лучше да хорошо".

Алексей, как бы слушая вполуха, закурил, потом перебил:

- А знаешь анекдот, как безногий и безрукий соревновались?

Начал рассказывать, то и дело закатываясь. Гриша серьезно смотрел на соседа. Алексей отвернулся, и пепел посыпался на белую простыню.

Целый день его звонкий с трещинкой голос взвивался в комнате, в коридоре, в столовой. Он сыпал шутки направо и налево. Ущипнул за бок голубоглазую медсестру Татьяну Павловну. Она отчитала его и тут же подарила флакончик с витаминами. Бабу Маню он окрестил Афродитой. Она грозила ему толстым корявым пальцем.

Обитатели встретили новенького настороженно. Он был слишком шумным здесь. Только блаженный Шурик (его звали так за странную кривую улыбку) довольно кивал головой.

К вечеру новенький утомился. Лежа на кровати, он глядел в сиренево-серый потолок с темными тенями по углам. В сумерках глаза Алексея поблескивали свирепо. Молчали.

- Ты что, так всю жизнь здесь и прокантовался? - тихо вдруг спросил новенький.

- Был и в другом доме инвалидов.

Опять молчали. Потом начал уже Гриша:

- Ты себя не жалеешь. Радуйся, на тебя благодать сошла.

Алеша молчал.

- Благодать, - повторил Гриша. - Нет, Бог нас не списал. Кем ты был, когда у тебя были две ноги? Никем! Человечишкой. Прыгал, дрыгался, ублажал свои желания. Побежал туда, побежал сюда, а все бестолку. Ну какой прок был от твоей суеты? Какой она след оставила? Никакого.

Алеша молчал.

- А теперь ты вроде стал свободный от самого себя. Не ублажать будешь, а к жизни приглядываться. И коль повезет тебе попасть на нужный перекресток, ты пожалеешь не нас, инвалидов, а тех, кого судьба не лишила гордыни. Человек ведь в гордыни пребывает: все смогу. А может только тогда, когда без гордыни окажется.

Алеша молчал. И непонятно было, то ли соглашается, то ли не хочет слова терять, то ли найти нужных не мог.

А потом, когда они снова долго молчали, он вдруг удивленно произнес:

- Глянь в окно. Звезда вошла. Сколько дней я не видел звезд.
Но теперь молчал Гриша, и тишина покрыла слова новенького.